Гетц Роман Николаевич

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОЗИЦИИ ВИДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье систематизируются разноплановые дефиниции политического экстремизма, представленные в современной мировой и отечественной научной литературе, что является необходимым в связи с неопределенностью феномена политического экстремизма и его нечетким онтологическим отражением в политологическом дискурсе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 43-47. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

в русской духовной жизни авторитетом. Но так как первые представители радикальной интеллигенции росли и мужали на стыке различных вероисповеданий (русский отец православный, мать-немка лютеранка, а домашний учитель-француз католик), то приверженность какой-то одной-единственной конфессии у них не могла сложиться. В более поздние времена социально пёстрые разночинцы принесли в интеллигентские круги множество самых различных представлений о человеке и его месте в мире.

Подводя итоги исследования, мы можем констатировать, что часть русской интеллигенции стала радикальной в силу своего синкретического происхождения. Будучи метисами по крови и духу, интеллигенты чувствовали себя на лоне русской культуры чужими. Однако некоторые из них занялись свободным творчеством, которое обогатило эту самую культуру и заставило обывателя уважать пусть не до конца понятных, но талантливых деятелей. Численно меньшая часть интеллигенции пошла по другому пути. Она сначала замкнулась в «своём кругу», а затем неоднократно пыталась изменить российскую действительность на основе своих представлений об идеальном мироустройстве. Чем меньше это удавалось, тем сильнее возрастал радикализм. Например, декабристы предприняли попытку бескровного государственного переворота, а после ста лет борьбы их наследники, большевики, выдвинули и воплотили в жизнь идею классового террора.

Список литературы

1. **Булгаков С. Н.** Героизм и подвижничество // Русский индивидуализм: сборник работ русских философов XIX-XX веков. М.: Алгоритм, 2007. 288 с.
2. **Замалеев А. Ф.** Лепты: исследования по русской философии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 320 с.
3. **Замалеев А. Ф.** Семестровый курс по истории русской философии // Русская философия: новые исследования и материалы. СПб.: Летний сад, 2001. 398 с.
4. **Кириллова Е. А.** Очерки радикализма в России XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1991. 204 с.
5. **Могильнер М.** Российская интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. 1994. № 5. 175 с.
6. **Новая философская энциклопедия**: в 4-х т. / Институт философии РАН. М.: Мысль, 2001. 692 с.
7. **Новый иллюстрированный энциклопедический словарь** / ред. кол. В. И. Бородулин, А. П. Горкин, А. А. Гусев, Н. М. Ланда и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 912 с.

INTELLECTUALS' RADICALISM AND ITS SOCIAL SOURCES

Ivan Vasil'evich Vostrikov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Stanislav Igorevich Sulimov
Department of Philosophy
Voronezh State Technological Academy
wostrikov1954@mail.ru, sta-sulimov@ya.ru

The authors consider radicalism phenomenon by the example of Russian radical intellectuals and single out some features characteristic of radicalism regardless of its historical form and also reveal the social and spiritual preconditions of radical intellectuals' origin.

Key words and phrases: radicalism; intellectuals; crossbreeding.

УДК 32.328

В статье систематизируются разноплановые дефиниции политического экстремизма, представленные в современной мировой и отечественной научной литературе, что является необходимым в связи с неопределенностью феномена политического экстремизма и его нечетким онтологическим отражением в политологическом дискурсе.

Ключевые слова и фразы: политический экстремизм; ценности; политическая идеология; кризис идентичности.

Роман Николаевич Гетц
Кафедра политологии
Северо-Западная академия государственной службы
romangetz@inbox.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОЗИЦИИ ВИДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ©

Политический экстремизм имеет достаточно многоплановое измерение и проявляет себя в различных политических, социальных, экономических и иных процессах современности. Недостаточно четкая детерминация политического экстремизма в теоретическом плане отражается в практической неразрешенности

© Гетц Р. Н., 2011

проблемы противодействия данному социально-политическому феномену. В статье классифицируются концепции политического экстремизма, представленные в мировой и отечественной научной литературе.

Среди политологов сегодня аргументирована позиция об ограниченном понимании проблемы противодействия политическому экстремизму, когда зачастую указывается на неэффективность и несовершенство законодательной базы в этой сфере, ограниченность организационных мер в борьбе с экстремизмом и терроризмом со стороны органов государственной власти и т.д. Между тем истинные проблемы кроются в слабом представлении о том, чему противодействуют. Проблема в определении и трактовке политического экстремизма сводится к тому, что данное явление недостаточно изучено не только в России, но и за рубежом. Кроме того, исследователи политического экстремизма подчеркивают сложность концептуализации данного явления, многовариантности его трактовок, а также непрекращающейся эволюции форм проявления политического экстремизма в международной и российской политической практике.

Понятие экстремизма в политическом контексте появляется ближе к середине XX века, мировая научная рефлексия имеет обширный и дискуссионный материал по толкованию феномена экстремизма. В современной литературе представлено множество трактовок политического экстремизма, которые в статье конкретизируются по следующим направлениям: детерминация понятия политического экстремизма через представление его в узком и широком смыслах; категориальное восприятие экстремизма через введение понятий радикализма и терроризма; рассмотрение феномена кризиса идентичности как мотивирующего базиса экстремистской деятельности.

Прежде всего необходимо обратить внимание на достаточно распространенный прием *определения понятия политического явления через представление его в узком и широком смыслах*. Популизированная в отечественной политологии начала 90-х годов XX века [6, с. 94] широкая трактовка экстремизма как «приверженность в политике и целях крайним взглядам и действиям» [8, с. 400-401] достаточно упрощает всю многогранность и целевой компонент экстремизма как фактора политического процесса. Так, зарубежный исследователь Роджер Скрутон также определяет экстремизм как, «во-первых, приверженность к крайним политическим идеям, мыслям, независимо от их нецелесообразности, последствий, аргументов, а наоборот, противостоя и даже ликвидируя оппозицию; во-вторых, нетерпимость к “чужим” взглядам и идеям; в-третьих, использование средств достижения таких политических целей, которые ущемляют права, свободы других людей» [18]. В этом определении прослеживается сходство понимания экстремизма (не обязательно только политического) В. Н. Томалинцева, изучающего проблематику экстремальности в современной России и рассматривающего экстремизм как одну из «форм отчуждения и прежде всего отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей» [12, с. 99].

Определение Роджера Скрутона близко к указанной популизированной в 90-е годы в России трактовке политического экстремизма в широком смысле. Данная трактовка восходит из определения «Советского энциклопедического словаря», который трактует понятие экстремизма как «приверженность крайним взглядам, мерам» [10, с. 1089], а также «Большой советской энциклопедии», в которой экстремизм определяется так же, но с привязкой «обычно в политике». Следует отметить, что и «Современный социально-экономический словарь» определяет экстремизм как приверженность крайним взглядам, формам и методам политической деятельности, признание насилия, включая терроризм.

Более узкую трактовку понятия «экстремизм», на наш взгляд, предлагает В. И. Власов, подразумевающий под ним «негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершенствованию запрещенных законом общественно опасных действий или в деяниях аморальных, совершаемых с политическими, националистическими целями или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти)» [2, с. 5]. Данное определение раскрывает комплекс факторов, таких как: цели сторонников экстремистского движения, методы их реализации, отличительные особенности и степень агрессивности и социальной опасности и т.д. Зарубежный исследователь Андрью Сотлар, рассматривающий этимологию понятия экстремизма, указывает на то, что это «политический термин, который детерминирует действия, которые не являются нравственно, идеологически и политически допустимыми в соответствии с нормами (законными, конституционными, а также негласными), а также такими, которые отклоняют демократические средства управления и способы разрешения проблем, отклоняют демократический строй как таковой» [17]. Андрью Сотлар в данной трактовке вводит понятие экстремизм в политические рамки, считая его деструктивным явлением, направленным против существования демократического политического режима. Б. Г. Путилин понимает под экстремизмом «форму радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц, групп и слоев населения» [9, с. 58]. Такое определение сущности экстремизма требует выяснения основополагающих признаков этого политического явления, его структуры и взаимосвязи с иными формами проявления негативных действий акторов политического пространства, прежде всего терроризма.

Так как понятие «экстремизм» является в отечественной и мировой теории и практике дискуссионным, следует его разграничить также с такими смежными данному явлению понятиями, как радикализм и терроризм. В этой связи нами предусматривается следующий прием *определения категориальных основ экстремизма - через введение понятий радикализма и терроризма*. Эксперты исследовательского центра «Панорама», упоминаемые нами А. Верховский, В. Прибыловский, А. Папп, под экстремизмом понимают совокупность социально-политических практик особого рода и представляют определение экстремизма через его признаки, отличительным и первостепенным из которых является, по мнению экспертов, приверженность к

насильственным методам и связанные с этим явления: пропаганда политического насилия, создание военизированных формирований, культивирование соответствующего имиджа и т.д. Можно сделать вывод, что, с одной стороны, экстремизм представляет собой радикальную форму общественных действий, а с другой стороны, предполагает использование насильственных методов достижения поставленных целей. В материалах статей оксфордских и кембриджских журналов экстремизм часто характеризуется посредством насилия: «Любая попытка проанализировать явление политического экстремизма содержит в себе объяснение, почему данное явление определяется через насилие» [16]. Питер Нейруд даже употребляет термин «violent extremism» [15, p. 215], что дословно можно перевести на русский язык как «насильственный экстремизм».

Сходство радикализма и экстремизма проявляется в той его части, которая указывает на отрицание существующей политики властных структур. Радикальное движение является идейным в своей сути и не предполагает насильственные методы борьбы. В этом ключе оно и отличается от экстремистского, где насилие хотя и представляет собой не самоцель объединения субъектов, но является средством выражения их экстремистских взглядов и идей. Рассматривая этот вопрос более углубленно, можно охарактеризовать экстремизм как деструктивный радикализм, который предполагает «сохранение, консервацию отживших, изживших себя социальных отношений с помощью разрушительных, агрессивных действий против тех сил и социальных явлений, которые выражают действительно революционное преобразовательное начало, либо против всей существующей социальной системы или социальной ситуации в целом» [14]. При этом деятельность деструктивных радикалов опирается на идеологию фундаментализма. Экстремизм противостоит насильственным способом процессу перемен как категории «другого», не свойственного «своему».

Как утверждает В. Н. Пластун, занимающийся вопросами экстремизма стран Востока, «экстремизм выглядит резче и категоричнее; его сторонники в некоторых странах замечены в склонности втайне прибегать к нетрадиционным для парламентского стиля борьбы методам, включая провоцирование и участие в вооруженных столкновениях» [7, с. 28]. Г. И. Демин, различая радикализм и экстремизм, указывает на то, что радикализм предполагает решительность, но в рамках закона, экстремизм же, по его словам, связан с крайними, предельными, противозаконными мерами, которые чреваты многочисленными отрицательными последствиями. В этом случае закономерен переход, эволюция деятельности радикально настроенных группировок в сторону экстремизма как предполагающего крайние, насильственные способы противостояния.

Экстремизм и терроризм представляют собой схожие, но не тождественные феномены. Как определяет разницу между данными понятиями Г. Мирский, «экстремизм и терроризм - явления достаточно близкие, хотя автоматической связи между ними нет: если видно, что всякий террорист - это экстремист, то неправильно было бы полагать, что каждый экстремист - это террорист» [5, с. 68].

Можно также предположить, что терроризм представляет собой крайнюю форму проявления экстремистской деятельности. В этом случае доказательство и аргументация позиции и идей выражается группировками в применении оружия и физического уничтожения. Зачастую жертвы, гибнущие в схватках, являются представителями гражданского населения и не имеют отношения к тем или иным противоборствующим группировкам, что только усугубляет ситуацию, порождает атмосферу страха в обществе, чего, собственно говоря, и добиваются террористы [7, с. 29]. Таким образом, для терроризма насилие и физическая расправа является целью деятельности, так как в ее основе лежит фактор страха.

Подводя итоговую черту относительно специфики экстремизма в отличие от радикализма и терроризма, следует обобщить его основные характерные черты и особенности. Во-первых, экстремизм - это социально-политическое явление, появляющееся в результате политического конфликта, когда социум организует оппозиционные движения *в поддержку иной, противостоящей властной* идейно-политической доктрине. Во-вторых, экстремистская деятельность предполагает применение *насилия, нелегитимного в своей основе*, которое является для экстремистов средством достижения поставленных целей. В-третьих, экстремизм апеллирует не столько к устрашающим методам и запугиванию граждан, а прежде всего, воздействует на предрассудки, чувства людей, то есть эмоциональную составляющую «коллективного разума» толпы, массы *с точки зрения ценностного ориентира*, проповедует нетерпимость в социальной, политической, религиозной и др. сферах общественной жизни.

В этом случае можно определить *политический экстремизм* как *деятельность, которая предполагает взаимодействие оппозиционных групп и индивидов, направленное на захват и удержание политической власти или ее дестабилизацию, использование при этом нелегальных средств и методов, включая нелегитимные ценностно-реализуемые насильственные методы и средства.*

Каковы же мотивы политических экстремистов, когда они идут на убийства глав государств, политических деятелей, представителей средств массовой информации, обычных граждан во время террористических актов и т.д.? Если перефразировать Петера Концена, коренится ли экстремизм «в глубине душевного мира, вытекает из потребности в возбуждении, смещении ненависти, избавлении от жизненного страха? Или же главным образом он стимулируется извне, является следствием заражения, внушения или массового воодушевления?» [4, с. 5]. Ответ на данные вопросы очень сложно найти у современных авторов, исследующих проблематику политического экстремизма. Экстремист - это субъект с максимально суженным мировоззрением, одержимый одной идентичностью, в основном связанной с родоплеменными отношениями общины, аула и др. В этом случае в современном постиндустриальном, все более развивающемся и стремительном мире человеку с подобной суженной идентичностью тяжело принять роль, которую ему диктует государство, общество, или адаптироваться к ней. Именно подобный кризис идентичности политических экстремистов является той

первопричиной, от которой отходят следствия насильственных действий против «иных», «других». Если учесть, что субъект экстремистской деятельности обладает чаще всего деформированным сознанием, что обуславливает его отчуждение от социально-культурных норм и ценностей, то естественно, что насильственные действия будут направлены на все остальное сообщество, имеющее определенную, «другую» систему ценностей, отличную от экстремиста. Страх потерять себя во внешнем окружении заставляет экстремистов реализовывать свою идентичность средствами насилия. Возникновение наиболее жестоких форм экстремистского насилия связано с восприятием носителей противоположных ценностей как «врагов», в особенности если они противодействуют власти.

Действительно, насилие для политического экстремизма представляет собой средство (или метод) захвата и удержания политической власти, а также противодействие этому со стороны враждебно настроенных по отношению к властным структурам политических группировок. Р. А. Амирокова утверждает, что определяющим моментом политического экстремизма является борьба за власть с использованием насилия [1, с. 25]. Борьба за власть (ее завоевание, удержание, а также противодействие данным процессам) является той стратегической целью, которая ведет политических экстремистов на совершение насильственных действий. Однако, как утверждает М. Яхьяев, «стремление к власти любой ценой, превращение этого стремления в ведущий мотив поведения относится по существу не к экстремизму, а, скорее, к области психических отклонений» [13]. Подобное стремление к власти им характеризуется как «маниакальное», а в основе экстремистской деятельности «должна лежать определенная мировоззренческая идея, то есть идеология». Именно экстремистская идеология является мотивирующим базисом экстремизма.

Как указывает В. П. Журавель, «идеология террористической и экстремистской деятельности - это тот стержень, который не только сплачивает людей в организацию единомышленников, но и оправдывает данную деятельность путем создания и культивирования в организациях экстремистского толка некой «идеологической суррогатной солянки», в которой подменяются признанные в обществе ценностные ориентации, понятия справедливости и чести [3, с. 49]. В качестве профилактики и нейтрализации идеологии политического экстремизма В. П. Журавель понимает повышение моральной планки относительно того, что допустимо в обществе, а что нет [Там же]. В. А. Тишков пишет: «Речь идет не о правовых и организационных мероприятиях и даже не о политических мерах, а об идеологических и морально-нравственных сторонах феномена современного терроризма» [11, с. 6]. Источником борьбы с политическим экстремизмом, в основе которого лежит определенная идеологическая фрейма, является идеология как субъективная модель, через призму которой человек воспринимает и оценивает окружающий мир. Для преодоления вражды и недоверия, выраженных в ироничной фразе «Все люди братья, но не все по разуму», *мы должны не только согласиться с определенной утратой идентичности, но и научиться жить в калейдоскопе идентичностей.* Только тогда мы сможем заложить фундамент, на котором будет построено более справедливое, свободное от внутреннего напряжения общество.

Таким образом, рассмотрев основные понятийно-сущностные аспекты феномена политического экстремизма, мы можем сделать некоторые выводы относительно его концептуального оформления.

Во-первых, целевая установка политического экстремизма, мотивированная определенным идеологическим оформлением экстремистской деятельности, направлена на захват, удержание, дестабилизацию политической власти.

Во-вторых, деятельность политических экстремистов нелегальна в своей основе и осуществляется определенными средствами и методами нелегитимного характера.

В-третьих, экстремизм представляет собой сложное социально-политическое явление, которое включает в себя следующий набор элементов:

- экстремистская идеология, характеризующаяся крайне радикальными идейными установками;
- экстремистская деятельность, которая является воплощением экстремистской идеологии;
- политическое насилие, подкрепленное ценностно-идеологическим контекстом и реализуемое ценностным потенциалом участников экстремистской деятельности;
- набор ценностей как ориентиров в борьбе за политическую власть.

Список литературы

1. **Амирокова Р. А.** Политический экстремизм в современном политическом процессе России: дисс. ... кандидата политических наук. Черкесск, 2006. С. 150.
2. **Власов В. И.** Экстремизм: сущность, виды, профилактика / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. М.: Изд-во РАГС, 2003. С. 112.
3. **Журавель В. П.** Терроризм, экстремизм, сепаратизм. М., 2005. С. 288.
4. **Концен П.** Фанатизм: психоанализ жуткого феномена. СПб., 2011. С. 388.
5. **Мирский Г. И.** Экстремизм, терроризм и внутренние конфликты в «третьем мире» // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 8. С. 68-74.
6. **Морозов И. Л.** Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. С. 457.
7. **Пластун В. Н.** Эволюция идеологии и тактики экстремистских движений в странах Востока. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. С. 712.
8. **Политология**: энциклопедический словарь / ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 431.
9. **Путилин Б. Г.** Террористический интернационал. М.: Кучково поле, 2005. С. 320.

10. **Советский энциклопедический словарь.** М., 1982. С. 1600.
11. **Тишков В. А.** Террор и мораль // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2004. № 56. С. 6-11.
12. **Томалинцев В. Н.** Экстремаль России: прогноз развития. СПб.: Фонд «Отечество», 2007. С. 288.
13. **Яхъяев М. Я.** Методологические аспекты исследования экстремизма [Электронный ресурс]. URL: http://www.scienceport.ru/content/metodologicheskie-aspekty-issledovaniya-ekstremizma (дата обращения: 15.04.2010).
14. **Яхьяев М. Я.** Противодействие экстремизму и терроризму [Электронный ресурс] // Дагестанская правда. 2008. 26 марта. URL: http://www.dagpravda.ru/?com=materials&task=view&page=material&id=193 (дата обращения: 15.04.2010).
15. **Neyroud P., Waddington P. A. J.** Special Issue of Extremism // Policing. XXXX. Vol. 3. No. 3. P. 215.
16. **Schmidt C., Joffe´ G., Davar E.** The Psychology of Political Extremism // Cambridge Review of International Affairs. 2005. Vol. 18. No. 1. April. P. 15.
17. **Sotlar A.** Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society [Электронный ресурс]. URL: http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf (дата обращения: 15.04.2010).
18. **What is Political "Extremism"** [Электронный ресурс]. URL: http://www.voluntaryist.com/articles/027a.php (дата обращения: 15.04.2010).

POLITICAL EXTREMISM: OPINIONS IN MODERN SCIENTIFIC LITERATURE

Roman Nikolaevich Getts
Department of Political Science
Northern-Western Academy of Public Service
romangetz@inbox.ru

The author systemizes the diverse definitions of political extremism presented in modern world and native scientific literature which is necessary because of political extremism phenomenon ambiguity and its indistinct ontological reflection in political science discourse.

Key words and phrases: political extremism; values; political ideology; identity crisis.

УДК 395.62+811.11.112

В статье сформулирован культурологический закон коммуникативного равновесия на основе исследования особенностей выражения волеизъявления в русской коммуникации на фоне английской; рассматривается этноспецифика коммуникативных стратегий и средств их экспликации.

Ключевые слова и фразы: коммуникативный баланс; директив; этностиль волеизъявления; разность коммуникативных потенциалов; поляризованная лингвокультура; национально-специфические коммуникативные стратегии; средства выражения.

Светлана Николаевна Глазкова, к. филол. н., доцент
Кафедра филологии
Миасский филиал Челябинского государственного университета
snglaz@rambler.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН КОММУНИКАТИВНОГО РАВНОВЕСИЯ©

Современная лингвистика использует не только свой научный аппарат, но и активно взаимодействует с другими науками. Одним из продуктивных направлений является лингвокультурология, которая рассматривает национально-культурную специфику языковой личности, языковой картины мира, коммуникации и т.д. Различие коммуникативных этностилей всегда вызывало интерес, но осмысливать данное явление лингвисты, философы, культурологи как научный факт стали не так давно. Мнение об англичанах как о самой вежливой нации практически не оспаривается; за русскими закреплено звание не стесняющейся в выражениях, прямолинейной, коммуникативно-грубоватой, агрессивной нации. Этот поверхностный взгляд вызывает возражения и требует вдумчивого анализа.

Мы проанализировали способы, формы, типы проявления волеизъявления, побуждения в русском языке на фоне английского, т.к. общеизвестна их важность в коммуникации и национальная специфика. Осмысление культурологического и лингвистического материала позволило выдвинуть гипотезу о наличии закона, который мы назвали законом коммуникативного равновесия/баланса. Суть его такова. Коммуникация может отличаться большей или меньшей противоречивостью, поляризованностью, однако суммарно она нейтральна, уравновешенна. Чем противоречивее культура, тем больше взаимоисключающих тенденций в национальном речевом поведении, противопоставленных идей в языковой картине мира, и наоборот, чем меньше внутренних антиномий в национальном языковом сознании, тем меньше противоречий в речевом поведении носителей языка.

© Глазкова С. Н., 2011